

Ю. А. Первин Алексей Андреевич, Франция, Лотар-Шевченко

С Алексеем Андреевичем я познакомился, будучи студентом пятого курса университета. Это был 1956 год. С четвертого курса у нас началась специализация по вычислительной математике и программированию. В те времена Горьковский (Нижегородский) университет совсем не имел вычислительной техники, и наша небольшая команда из Горьковского университета — первый выпуск по нашей специальности — была отправлена в Москву, в МГУ и Институт, который сейчас носит имя М. В. Келдыша. Мне повезло: я попал под крыло Алексея Андреевича, у него сделал свою дипломную работу и, когда заканчивал университет, получил приглашение в формирующееся в то время Сибирское отделение Академии наук СССР. Но у меня были обязательства перед родным Нижегородским университетом, из которого меня направляли в Москву, и я остался в Горьком. Но, работая в городе на Волге, я много раз приезжал в командировки в Новосибирск, в Академгородок, бывал у Алексея Андреевича.

Эти визиты мне очень много дали, может быть, не меньше, чем год подготовки дипломной работы под его руководством. Мне было известно, что он хорошо владеет французским языком, хотя в Москве не было случая увидеть или, точнее, услышать его французский. Бывая в Академгородке в командировках, я всегда старался их приурочить к средам, когда у Алексея Андреевича собирались любители поговорить по-французски.

Французские вечера в коттедже Ляпунова собирали удивительное общество. В основном это были аспиранты и студенты Алексея Андреевича. Однако всегда бывали на этих вечерах ученые Академгородка и многочисленные гости, университетские преподаватели французского и школьные учителя. Конечно, не обходилось без фрагментов то тут, то там мелькавшей русской речи, но все же, главным образом, там действительно говорили по-французски. Этот, казалось бы, внешний фактор объединял и роднил участников ляпуновских французских необыкновенных вечеров. В этом видится, пожалуй, не складывавшаяся вокруг Алексея Андреевича аура франкофонии, а подлинно демократическая школа человеколюбия, его умение общаться с людьми, полное отсутствие кастовости. Вспоминается характерный эпизод (впрочем, за рамками французских вечеров), когда, будучи студентом-пятикурсником, я попал к Алексею Андреевичу домой на консультацию по дипломной работе. Почти одновременно к нему пришли академик С. Л. Соболев и Л. В. Канторович, в то время еще член-корреспондент. Я поймал себя на мысли о том, что внешний наблюдатель не смог бы определить по форме общения Алексея Андреевича со своими гостями, кто из них выдающийся академик, а кто — студент пятого курса.

В 1969 году мне представилась очень интересная и приятная возможность годовой стажировки во Франции. Для меня было совершенно ясно: готовясь к этой поездке, я должен поговорить с Алексеем Андреевичем. На целый месяц я прилетел в новосибирский Академгородок, и значительную часть этого месяца провел в коттедже у Алексея Андреевича, в его библиотеке, в беседах с ним. Я не просто разговаривал с Алексеем Андреевичем — он меня готовил к поездке. Я знал, что Алексей Андреевич не был ни разу за границей, но тем не менее имена, адреса он мне давал безошибочно, указывая дома и улицы известных ученых и

институтов. Океанографический музей Монако он описал в беседе за чашкой чая в новосибирском коттедже настолько подробно, что, когда я оказался за тысячи километров от Сибири в залах средиземноморской скалы, вдающейся в море, гид мне оказался не нужным: я узнавал экспонаты и словно слышал голос Алексея Андреевича.

Забегая вперед, можно сказать и обратное: никогда не бывавший во Франции русский ученый был хорошо известен в этой стране. Везде я встречал радушный прием во Франции, но каждый раз, когда я называл имя Ляпунова — в лабораториях Тулузского университета, музее Монако, Институте программирования в Париже, мне буквально открывались двери.

Вот, например, эпизод встречи в университете Ниццы, где поначалу разговор со мной был если и не суровый, то по крайней мере довольно сдержанный. Но как только я упомянул, что я — ученик Ляпунова (понимая, конечно, что с моей стороны это могло быть не очень скромно), настроение человека, с которым я говорил, разом переменялось. Появились улыбки, пошел общительный, даже доверительный разговор. На меня это произвело большое впечатление.

Действительно, Ляпунов во Франции очень известен. Известен, конечно, своими научными трудами. В первую очередь — по теории множеств. Но когда я там был, имя Ляпунова уже произносилось, как имя «отца советской кибернетики». Математики и биологи, философы и физики видели в нем героического борца против лысенковского мракобесия.

Месяц в Академгородке, предшествовавший годовой французской стажировке, был посвящен главным образом формированию ее подробной программы. Хотя позднее, во Франции, в нее были внесены некоторые корректировки, но все те знакомства, с которых я начинал, были инициированы Алексеем Андреевичем. Я записал все адреса в Сорбонне, в Гренобле, в Ницце и потом, когда у меня была возможность совершать по Франции рабочие поездки, я всегда пользовался этими вехами. И всегда это оказывалось для меня неожиданно удачно. С кем бы я ни встречался, будь то видный французский математик Шютценберже, или парижские профессора Арсак и Нолэн, или коллеги из Гренобльского университета Болье и Кофман, всегда они меня принимали радушно, и в немалой мере благодаря тому, что я работал с Ляпуновым.

Могу с уверенностью сказать, что французские напутствия Алексея Андреевича буквально перевернули мою последующую жизнь. Алексей Андреевич порекомендовал мне в дни стажировки побывать в Лионе на Всемирном конгрессе по преподаванию математики. Скромную по численности советскую делегацию на этом конгрессе возглавлял А. И. Маркушевич. В результате участия в этом конгрессе я позднее сделал по рекомендации Алексея Андреевича несколько значительных переводов с французского, но, главное, по-настоящему зажегся той ляпуновской искрой, которую десятилетие спустя А. П. Ершов — один из знаменитых учеников Алексея Андреевича — назвал «школьной информатикой». Конечно же, я не мог упустить и возможность поехать по Франции с целью познакомиться со страной. Выполнять программу, составленную в новосибирском коттедже, было очень интересно.

Вернулся на Родину за 1,5 месяца до 2й Всесоюзной конференции программистов, которая проходила в Академгородке. На эту конференцию были

приглашены многие французские авторитеты информатики. Мне пришлось работать переводчиком профессора Нолэна из Института математики при Сорбонне, сопровождать французскую делегацию. И, конечно, неизменным объектом посещения был коттедж Алексея Андреевича.

Понятно, что в гостях у Алексея Андреевича функции переводчика оказались не востребовавшими. Было видно, что общение на французском языке доставляет Алексею Андреевичу истинное удовольствие. Помню, кто-то из французских гостей шепнул мне на ухо: «*Son français est impeccable!*» (у него безукоризненный французский). Полагаю, что Алексей Андреевич сам это понимал. В этой связи мне вспомнилось, как однажды Алексей Андреевич рассказал не анекдотическую, а реальную ситуацию, которая выглядела как дружеский шарж на М. А. Лаврентьева... Выступая как-то на конгрессе в Румынии, Михаил Алексеевич хотел показать, как он знает французский, и решил прочитать свой доклад на французском языке. Судя по всему, его французский не был безупречным, так как это вызвало некоторое непонимание и недоумение профессора Данжуа, известного французского математика, руководившего конгрессом. Алексей Андреевич мог позволить себе такой дружеский шарж, потому что для него французский был языком, на котором он свободно говорил и писал на любые темы, и работая, и отдыхая...

Обстоятельства сложились так, что Алексею Андреевичу не довелось побывать в стране, историю и культуру которой он так любил, высоко ценил и прекрасно знал. В последний год жизни он получил официальную должность представителя советской экологической науки и международного эксперта при ЮНЕСКО. Это давало ему право и возможность выезжать за границу, в частности, во Францию. Такая поездка готовилась, но, к сожалению, так и не состоялась. Она была бы, конечно, очень нужна. Думаю, даже не столько лично Алексею Андреевичу, сколько нашей стране.

Любовь к французскому языку, подогретую сибирским теплом, я пронес по жизни и дальше. В деятельности французского клуба Дома ученых я занимал положение довольно скромное, хотя меня и наградили значком новосибирского отделения общества «СССР — Франция». Этим значком я очень дорожу. Когда, уже после смерти Алексея Андреевича, я приехал в Новосибирск, проработал там полтора десятка лет, а затем перебрался в далекий от Сибири Переславль-Залесский, то одним из первых моих общественных дел было создание Переславского отделения Общества «СССР — Франция». Сейчас — «Ассоциация друзей Франции».

Мы заслужили честь неформально называться одним из лучших провинциальных отделений этой Ассоциации, и именно потому немного позднее меня избрали вице-президентом, а затем и членом Президентского совета Ассоциации друзей Франции. Об этой своей общественной должности я с гордостью пишу и в автобиографии, и на своем сайте в Интернете. В эту деятельность я стараюсь вложить не только увлечение языком, но и дань памяти Алексею Андреевичу, который дал мне путевку в жизнь.

Сейчас, к сожалению, я бываю во Франции реже, чем мне хотелось бы, но тем не менее общественная деятельность в Ассоциации — это продолжение той моей работы, которая наверняка интересовала бы Алексея Андреевича. В частности, два года назад была поездка на Международный фестиваль по робототехнике,

где участвовали студенты тридцати шести стран. Сейчас готовится поездка на очередной фестиваль, куда на сей раз собирается поехать группа российских школьников. Буду очень рад, если мне удастся ее сопровождать.

Корни во Франции уже пустила моя старшая дочь Надежда. Сначала она поехала во Францию на стажировку, а сейчас заканчивает там университет, и, опасаясь, что она может не вернуться — семейные заботы.

Она, как и все остальные мои дети, с ранних пор видела на моем столе портрет Алексея Андреевича. Дети спрашивали: кто это? И я им всегда рассказывал, что это — мой Учитель. Легенды о Ляпунове до сих пор живут в моем переславском доме и, надеюсь, будут жить в парижском доме моей дочери. Но вернемся к основной теме нашей беседы...

После смерти Алексея Андреевича, ляпуновские французские вечера не исчезли, а обрели иное воплощение. По средам в Доме ученых Академгородка стали проходить вечера французского клуба. Это один из трех иностранных клубов Дома ученых, и следует признать — самый активный из них. Французские среды Дома ученых стали одной из форм живой памяти о великом друге Франции.

Это — продолжение ляпуновской традиции. Большая часть обычаев осталась. Включая чаепития. Это был регулярно работающий клуб. Он собирался каждую среду, с программами невероятно разнообразными. Клуб был своеобразной трибуной для отчетов всех наших сотрудников, приезжающих из Франции, его обязательно посещали все французские гости Академгородка, там бывали туристы из Франции, там проходили празднования всех дат французской истории, всегда по-разному и всегда очень интересно.

Возвращаясь к французским вечерам по средам в доме Алексея Андреевича, хочу сказать, что они оставили в моей душе глубокий след. Я познакомился там, в частности, с постоянной участницей почти всех французских вечеров Верой Августовной Лотар-Шевченко. О ней ходили легенды среди студентов и научных сотрудников. Я передаю ее историю со слов Алексея Андреевича, принявшего самое живое участие в ее судьбе. Он мне рассказал об ее трагической судьбе. Потом я уже нашел газеты и читал о ней, но впервые знакомство произошло там, в ляпуновском коттедже, в одну из «французских сред».

Возможно, неверно говорить, что она была центром этих вечеров, потому что душой всех встреч всегда оставался все-таки сам Алексей Андреевич. Но, если с Алексеем Андреевичем допускалось иной раз, в трудных (лингвистически) ситуациях переходить на русский, то в кружке вокруг кресла Веры Августовны от французского не было отступлений. Дело в том, что она, несмотря на долгие годы жизни в России, так русский по-настоящему и не освоила и говорила с таким акцентом, который сразу выдавал в ней француженку.

Легко понять, что для нее эти французские вечера у Алексея Андреевича были действительно той живительной струей, которая давала ей вдохновение и, возможно, отдых после тяжких мытарств, которые она перенесла. Не каждому дано перенести такое. В доме Ляпунова она была окружена теплым человеческим вниманием. Конечно, к ней были внимательны все гости коттеджа. И все же, Алексей Андреевич и его жена Анастасия Савельевна (друг и «ангел-хранитель» не только самого Алексея Андреевича, но и Веры Августовны) — в первую

очередь. Будучи в Академгородке, я узнал, что на рояле, который стоял в доме Ляпуновых, никто из семьи Алексея Андреевича не играл. Этот рояль Алексей Андреевич и Анастасия Савельевна купили специально для Веры Августовны, которая вносила неоценимый вклад в ляпуновские вечера своей музыкой, своим исполнительским мастерством.

Как правило, ее исполнение органически вписывалось в обстановку французских сред: чаще всего это были вечера французской музыки. В памяти остался один из таких вечеров, посвященный Клоду Дебюсси. И все же, чаще других композиторов Вера Августовна играла Шопена. Это был ее любимый композитор, причем она его играла очень своеобразно. Для многих, для большинства, Шопен — это в первую очередь лирический композитор, а она его всегда играла как мятежного, революционного композитора. «Революционный этюд» Шопена в исполнении Веры Августовны волновал всех, всегда и везде, был ли это уютный уголок ляпуновского коттеджа, или огромный концертный зал Дома ученых Сибирского отделения АН СССР.

После смерти Алексея Андреевича Вера Августовна (она пережила Алексея Андреевича на восемь лет), несмотря на проблемы со здоровьем, бывала на французских средах. Она уже меньше концертировала, совсем не ездила в гастрольные поездки, но в музыкальный салон приходила часто. Приходила и играла. Мы не осмеливались ее приглашать просто для того, чтобы посидеть. Чаще всего, это были вечера, посвященные французскому искусству, французской музыке, где она была обязательным активным участником.

Я совмещаю память о Вере Августовне и Алексее Андреевиче еще и потому, что после моей первой поездки во Францию у меня было еще несколько таких поездок, и каждый раз Алексей Андреевич мне говорил — привезите, пожалуйста, книги для Веры Августовны. Я привозил ей книги. Как ни странно, она любила не богатые издания, а *livres de poche* — дешевые «карманные» книги на разные темы. Я ей привозил очень много Дюма, она любила все книги Дюма. Очень часто я получал такие поручения не непосредственно от Веры Августовны, а от Алексея Андреевича, но для Веры Августовны. А вот предпоследний раз она меня попросила найти ноты, действительно, очень редкие вещи, которые в обычном нотном магазине просто не найдешь и надо было поискать у букинистов. Это всегда удовольствие — порыться в «развалах» у букинистов на набережной Сены, а когда это удовольствие еще помножено на безмерное уважение к двум великим французам Сибирского Академгородка, то такое поручение невозможно не выполнить. И именно в дни Всесоюзной конференции программистов я привез Вере Августовне, в частности и эти ноты, доложив, конечно, Алексею Андреевичу о выполненном поручении.

О Вере Августовне можно рассказывать много интересного, хотя для этого надо быть специалистом — историком, журналистом, музыкантом...

Веру Августовну можно назвать ровесницей века. Она родилась в 1902 году в Париже, в интеллигентной семье. Отец ее — француз по фамилии Лотар, был математиком, профессором Сорбонны. Труды его были известны Алексею Андреевичу. Мать — испанка — преподавала литературу в Сорбонне.

Девочка очень рано проявила необычайные музыкальные способности. Путь Веры в консерваторию был совершенно естественным. Училась она блестяще и уже на

четвертом курсе давала сольные концерты, высоко оцениваемые взыскательной парижской публикой. Она с золотой медалью окончила Парижскую консерваторию по классу одного из самых выдающихся пианистов 20-го века Альфреда Корто*. Начались бесчисленные гастроли по всему миру. Дважды она играла с самим Артуро Тосканини...

Первый брак ее оказался неудачным. Второй муж Веры Августовны — Владимир Яковлевич Шевченко, инженер, был из семьи русских эмигрантов, которые приехали во Францию после 1905 года. Любовь к Родине у таких людей, естественно, оставалась. К тому же Шевченко был членом коммунистической партии Франции и, по-видимому, имел определенные иллюзии относительно советского государства. Владимир Яковлевич, а с ним и Вера Августовна стремились в Россию. С большим трудом они добились разрешения. И, наконец, в 1936 году Вера Августовна приехала в СССР с мужем и его сыном от первого брака Денисом. Они устроились в Ленинграде, и в течение некоторого времени Вера Августовна с большим успехом концертировала там...

Однако в 1938 году Шевченко арестовали. Вера Августовна не могла этого понять. Она видела: в России что-то происходит. Но посадить за решетку такого хорошего человека, как ее муж,— это ей было не понять. Не зная языка, она пыталась добиться правды во всех высоких инстанциях. Нетрудно догадаться, чем это могло закончиться. В сороковом посадили и ее. Попала она в очень суровые условия, это был лагерь на Северном Урале, где и на свободе-то жить нелегко. Ни о каком рояле не могло быть и речи. Не было никакой связи с семьей. И только уже много лет спустя она узнала, что муж ее не вернулся из лагеря, а в 1942 году под Сталинградом погиб их сын.

Она возвращалась в лагерный барак с каждодневных каторжных работ, где, конечно, никто не думал о ее музыкальных пальцах. Приходила и для того, чтобы сохранить технику, она разминала пальцы, тренировала их, отстукивая сложные ритмы фортепьянных пьес по деревяшкам нар.

Когда была объявлена амнистия, в начале 50х годов, она попала в Нижний Тагил. Совершенно седая женщина, в той одежде, в которой она вышла из лагеря — в ватнике, в валенках — идет по центральной улице города и слышит звуки музыки, которые раздаются из окон расположенной на первом этаже детской музыкальной школы. Она заходит и в зале, где играют дети, просит разрешения сесть за рояль. Впервые после многолетнего заточения.

Журналист С. Л. Соловейчик так писал об этом возвращении к музыке:

«...Она вошла в пустую комнату, повернула ключ в замке и стояла, прижавшись спиной к двери. Перед нею был рояль. Она почувствовала страх. Она не могла дотронуться до клавишей, но пересилила себя...

И случилось чудо: она стала играть. Сразу. <...> Она прерывала одну пьесу, чтобы начать другую, более трудную. У нее получалось».

Потом — преподавание в музыкальной школе. Сначала в Нижнем Тагиле, потом — в Барнауле. Вера Августовна, как солист-исполнитель, не любила этого. Но лучшего не было... Как-то в барнаульской командировке находился известный

педагог и корреспондент «Комсомолки» С. Л. Соловейчик. Он написал большую статью о судьбе удивительного человека — Веры Августовны Лотар-Шевченко*. Статью в «Комсомолке» прочитал Алексей Андреевич Ляпунов. Он понимал огромное значение формирования не только интеллектуальной, но и культурной элиты в молодом научном центре — это были годы становления новосибирского Академгородка. И он сделал все, для того, чтобы Вера Августовна переехала в Академгородок. Он добился ее переезда, он добился для нее квартиры, что было совсем не просто в те времена. Но тем не менее переезд Лотар-Шевченко в Новосибирск — это его заслуга.

Переехав в Академгородок, Вера Августовна стала солисткой Новосибирской филармонии, концертировала, разъезжала по стране. Довелось видеть ее гастрольные афиши с Кавказа, из Карелии. Она много выступала с концертами на большой сцене Дома ученых. Затем — вечера у Алексея Андреевича в коттедже. Позднее, после смерти Алексея Андреевича,— концерты в музыкальном салоне: ради таких концертов французские вечера часто перемещались в этот салон.

Веру Августовну очень любили в Академгородке, несмотря на некоторые ограниченные возможности общения: для нее был труден язык страны, в которой она прожила большую часть своей жизни. У нее был титул «почетного студента» университета, «почетного члена физматшколы» (могу ошибаться в названии титулов, но твердо знаю истинную меру большого уважения к ней).

Она прожила долгую жизнь, завершившуюся в Академгородке. В последние годы жизни свои музыкальные вечера для молодежи Вера Августовна проводила уже не в музыкальном салоне Дома ученых, а в своей скромной двухкомнатной квартире на улице Терешковой. Одна из комнат была занята только роялем, в другой она принимала гостей. Организацию и проведение этих вечеров у Веры Августовны взял в свои руки Кирилл Алексеевич Тимофеев, профессор НГУ.

Она с жадностью впитывала информацию из Франции. Всем уезжающим в краткие французские командировки сибирякам она давала наказы купить ей там книжки. Ее друзья выполняли наказы, часто привозили книги в подарок. Но сама она так ни разу и не ездила во Францию. Ее звали... но это особая история.

(Текст приводится по книге:

Алексей Андреевич Ляпунов / Редакторы-составители Н. А. Ляпунова, Я И. Фет. - Новосибирск: Филиал «Гео» Издательства СО РАН, Издательство ИВМиМГ СО РАН, 2001)